

ковскому он сетует на отсутствие полемических статей в его защиту. Нет сомнения, что ответ Д. Н. Блудова, датированный 28 мая 1806 г., не напечатанный в то время и сохранившийся в бумагах Вяземского, был написан с ведома Дмитриева; в нем находились, в частности, и указания на «личности», допущенные Каченовским, и намеки на его нерусское (украинское) происхождение, якобы послужившее причиной ошибок против русской орфоэпии и фразеологии.¹²³ Обо всем этом Дмитриев писал Тургеневу и Жуковскому.

Он ответил Каченовскому эпиграммой «Нахальство, Аристарх, таланту не замена», которой, как обычно, дал ход, процитировав ее в письме к А. И. Тургеневу от 18 мая 1806 г. Вероятно, приблизительно в то же время он пишет и эпиграмму на Хвостова «Подзобок на груди и подогнув колена. . .», которую принял на свой счет А. Ф. Мерзляков. До Мерзлякова, конечно, дошел слух, что Дмитриев подозревает его в соучастии с Каченовским; Дмитриев, по-видимому, и не скрывал своего мнения. Во всяком случае он позаботился о том, чтобы оно стало известно прежним ближайшим друзьям Мерзлякова — Жуковскому и А. Тургеневу (II. 202—204).¹²⁴

Вероятно, этот конфликт, усугубившийся еще позднейшими выступлениями Каченовского против Карамзина, способствовал возрождению легенды о «зависти Дмитриева». О том, что она существовала, мы знаем из случайно брошенного замечания Д. В. Веневитинова в письме С. П. Шевыреву от 21 января 1827 г.: «Не пугайтесь гонений ни Дм<итриева>, ни Дав<ыдова> <. . .> Дм<итриев> завистлив, и ему бы хотелось уронить хоть сколько-нибудь Пушкина. Молодых же людей он никогда не похвалит, всегда видя в них соперников».¹²⁵

Здесь не место подробно разбирать вопрос о поздней репутации Дмитриева, несколько пошатнувшейся после его холодного отзыва о «Руслане и Людмиле». Нам важно лишь обозначить характерологическую версию, имевшую хождение в среде сторонников Пушкина и — с другой стороны — бывших учеников Мерзлякова, отлично помнившего давние полемические столкновения.

сажа («Так например, человек малого чина, рассказывая о министре или сенаторе, который, прежде обходившийся с ним приятельски, вздумал бы заговорить повелительно и грозно — может сказать: *он вдруг переменил тон*; и это будет понятно для каждого» — с. 290) рукой Лонгинова помечено: «Намек на Дмитриева». Лонгинов пользовался информацией М. А. Дмитриева; ср.: *Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 2. С. 480.*

¹²³ См. эту статью в приложении к кн.: *Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 267—278.* См. также наш комментарий к письму Дмитриева к Блудову в кн.: *Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 418, 440, 446.*

¹²⁴ Ср.: *Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 123—124.*

¹²⁵ *Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 689.*